

Что ни деревня, то своя передня

Сегодня вместе с одной из старейших жительниц города Анной Ивановной Филимоновой, которая 16 марта отмечает свой пока что 90-летний юбилей, перенесемся в 30-40-е годы прошлого столетия. Несмотря на возраст, она полна энергии и всегда занята делом: читает книги и журналы о здоровье, вяжет носки для внуков и правнуков. А какие замечательные круглые половички у нее получаются! А больше всего Анна Ивановна любит вспоминать и рассказывать о своей жизни.

РОДИЛАСЬ я в Вилегодском районе в деревне Соинский Починок Казаковского сельсовета. В нашей семье было семеро детей, из них двое двойняшек, так что семья у нас большая и дружная. Я была четвертой. Очень хорошо помню своих родителей: маму – Рябову Марию Федоровну и отца Рябова Ивана Ивановича. Мама вела домашнее хозяйство – у нас были овцы, куры, лошадь и корова, а отец слыл на всю округу мастером на все руки. Он многое умел и приучал нас к труду с раннего детства. Еще до женитьбы он работал в Архангельске и всему научился: был шорником, шил хомуты, гнул сани, дуги, делал телеги. Он был тружеником – жизнь заставляла работать с утра до ночи. Когда отец с матерью уходили в поле, нас, маленьких детей, оставляли дома одних. Присматривала за нами старушка соседка – одна нянька на всю деревню. Придет, посмотрит, что все живы, и идет в следующую избу. А в поле сеяли лен, рожь, ячмень. Когда мы подросли, стали помогать родителям. Мне очень нравилось ходить на колоду (ручей) полоскать белье.

Жизнь в то время была тяжелая. Жили мы одиночно. В престольные праздники съезжалась вся родня. Варили пиво и гуляли дня по три. Гости, не спрашивая, заходили в хлев, брали понравившегося барана и резали. А после жарили свежину. Мы, малышня, залезали на полати и сидели там, наблюдая за происходящим. Отец всегда сидел на почетном месте, а мама только и успевала пиво из голбца (подвала) носить.

РАНЬШЕ все было иначе, природа другая. Зима, так зима – с морозами, вьюгами. А лето, так лето – знойное! Транспорта тогда тоже не было, и оттого воздух был чистый. А в лесах было полно ягод, грибов, дичи, в реках – рыбы. Мужики ходили на охоту, рыбачили. А мы бегали с удовольствием на речку Пуртомой купаться.

Речь того времени тоже отличалась от нынешней. Думаю, случись современному городскому жителю разговаривать с тогдашним деревенским мужиком, многое бы не понял. Да и нынешний-то житель деревни тоже не все бы внял. Например, плетенную из ивовых прутьев особым образом корзину в одной деревне называют кужня, а в соседней уже зобня. Где-нибудь подальше это нехитрое изделие имеет иное название. Справедливая поговорка: «Что ни деревня, то своя передня». Да тот же гриб, что мы называем путником, в соседнем районе – серянка. Сейчас уже и слов-то таких нет, какими раньше рассказывали о деревенском быте: кичига, мутовка, подволока, голбец, осек, супонь, гунье, дресва, бученье, овершье, ховшанки, чивца, кашовка, стожар, ярушник, шайдак, куделя, гонт... Люди верили в Бога, поэтому деревенская речь была наполнена и церковными словами.

ИСТОРИЙ в моей жизни было много. Помню, сенокосная страда в самом разгаре, дорог каждый час. Люди на работу торопятся, а мать спрашивает отца: «Разреши мне на сенокос не ходить. Я сегодня должна родить». А он ей в ответ: «Побожись, что сегодня родишь, тогда дома оставлю». Ей ничего не оставалось делать, как побожиться. И действительно, к вечеру у нас родился брат...

Все в нашей жизни уходит в прошлое. Навсегда. Раньше все свое было – покупали только спички, соль да сахар. Одежду тоже сами ткали. Когда ходили в церковь, наряжались особенно. Помню, отец до церкви шел босиком, нес сапоги на плече, только перед церковью надевал их.

Про женщин сказ особый: раньше больше носили косы, потом кудри, ходили в платках (и это было удобно). Я всю свою молодость выходила в кировских сапогах на каблучке – их купила, когда семья переехала в Котлас. А из деревни мы уехали, потому что родители не захотели вступать в колхоз. В городе, конечно, в то время лучше одевались: носили пальто и мужчины, и женщины. Но молодость была одна...

Отношения между мужчинами и женщинами тоже были особенные. Раньше за столом собиралась вся семья, отец первым брал ложку, а за ним все остальные. Родителей слушались и почитали, уважительно относились и друг к другу.

Помню и начальную школу. Учителя моего звали Федор Михайлович. В классе было много народу, и после уроков оставляли. А учили нас хорошо, хоть «Букварь» доставался по одному разу в неделю и бумаги не было. Учились при горелке и работали на приусадебном участке. А после школы дома пряли, нянчились с младшими. В старших классах учиться мне не довелось... Из детства помню еще одну интересную историю. Сейчас, наверное, никто в это не поверит, но было на самом деле. У одной сельской учительницы Павлы Евлампиевны умер муж. Вся деревня пришла хоронить. И вдруг... он встал из гроба. Всех как ветром сдуло из избы, осталась одна Павла Евлампиевна. Но прожил ее муж после того недолго.

КОГДА мы с отцом приехали жить в Котлас, он устроился работать на пристань, а я ему помогала. Потом работала в няньках, в кинопрокате уборщицей, в семенной лаборатории аналитиком. Котлас в то время состоял из нескольких деревень: Жернаково, Петрухинская, Овечкино и Слободка. Дома низкие, деревянные. Вокзал тоже деревянный. Тамара Спицына пела в зале ожидания (бесплатно) и играла на гитаре, а Толя Логинов просто пел. Его называли вторым Лемешевым. Это были местные артисты. Хлеб в то время давали по карточкам. А еще был коммерческий хлеб, за ним ездили в Великий Устюг.

В 1939 году меня перевели дозировщиком в лабораторию «Заготзерно», а после назначили старшим лаборантом. А потом... война. Вот тут-то и началось самое страшное. Всю молодежь и мужчин старшего возраста забрали на фронт, остались одни девушки и женщины. А работа та же. Кольцовки (60 вагонов) прибывают с хлебом и зерном – надо разгружать и охранять. А мужиков нет. Вот мы и разгружали их и днем, и ночью без всякого отдыха.

Помню Ваню Губкина. Мы с ним вместе были в охране. Даст мне берданку, я и хожу по дамбе из конца в конец, а он мне навстречу. Темнота. Горит одна лампочка среди штабелей, а штабеля эти с мукой и зерном. Ничего не видно, только звуки слушаешь, по ним и определяешь. Вдруг слышу, вниз по течению лодка спускается. Я скорей за Ваней.

– Там лодка, – говорю.

Он побежал, а меня на своем месте оставил. Вдруг... выстрел. Он спугнул тех, кто в лодке был, они и скрылись.

В МАРТЕ 1942 года поехала сопровождать вагоны с хлебом и овсом – коробки, закрытые брезентом. Состав формировался на острове за Двиной, туда переправляли по одному вагону прямо по льду: морозы стояли крепкие, лед был толстым. Сформировали состав, нам пора ехать. Мы вдвоем с Зиной Сорокиной набрали сена из зарода, наложили в свою конуру, которую сделали из мешков с

овсом. В этой конуре и ехали, чтобы не так холодно было. Поезд «овечка» (так его тогда называли) шел очень медленно – 4-5 км в час. До станции Ядриха ехали долго. Железная дорога тогда была временка, а мост через Северную Двину был в самом разгаре строительства. Строили заключенные, жили они в бараках, которые стояли по обе стороны от железной дороги. Вдруг глядим, сразу несколько заключенных заскакивают нам на коробку, режут ножами брезент и сбрасывают мешки с овсом. Мы сидим с Зиной ни живы, ни мертвы, прижались друг к другу и не знаем, что делать. Хорошо, что они запрыгнули с другого конца вагона, иначе наткнулись на нас, смерти бы тогда не миновать. Бог нас спас. Не знаю, сколько они тогда мешков с овсом сбросили, только после 15 не досчитались. А поезд все идет и идет. Доехали до Ядрихи, потом нас к другому подцепили, тоже «овечке», но только быстрее поехали. У меня после такой поездки температура под сорок поднялась, увезли в больницу без сознания. А в больнице эпидемия дизентерии – мертвецов вытаскивали одного за другим. 18 дней я лечилась там.

А еще мы ездили на барже в Тойму. Тоже возили хлеб и зерно. Едем день и ночь. Вдруг лодка причалила к корме. А мы тогда ездили с Валей Байдиной (Лысцевой). Дежурили по очереди. В тот раз я стояла на вахте. Один говорит: «Дай мешок хлеба – рыбы взамен дадим». Я отвечаю: «Не надо рыбы, отчаливай от баржи». Он вдруг выхватил ружье: «Дай, а то стрелять буду!» А у нас тогда шкипер был Александр Александрович Тесаловский. Он вышел из будки, да как пальнет! Они от баржи и отстали. Так мы довезли до Тоймы зерно, сдали его и вернулись домой.

Через какое-то время поехали на распиловку дров для силовой. Сплачивали ноши и вытаскивали на берег лебедкой, а потом пилили дрова. Сентябрь был. Холодно. Я как-то воткнула багор в бревно и оборвалась в воду вместе с ним. Хорошо рядом был дяденька – инвалид (он вернулся с фронта и помогал), подцепил меня другим багром и умело вытащил из воды. А я плавать-то не умела. Спас он меня.

Немного позже отправили нас в Ярославль на мельзавод учиться. Жили мы девять девчонок. Город был затемнен, света нигде не видать. Вдруг – воздушная тревога! Все кинулись в бомбоубежище. А мы первый раз, как дикарки, побежали наверх, на балкон. Смотреть. Но ничего не видно, лишь за Волгой стоял гул. А там силовая была, но тоже не видать – затемнена. Немцы летят, и вдруг с четырех сторон зажглись прожектора, осветили их и погнали. Но один самолет все-таки бомбу сбросил. Она попала в склад готовой продукции какого-то завода. Все боялись, что взорвут мост, но обошлось... Потом был митинг на площади, и тогда мы узнали, что это шестой налет на город.

ПОСЛЕ войны растила двух сыновей, работала в ателье. Сейчас на пенсии, инвалид первой группы по зрению. А вот жизнь свою хорошо помню. Жалею, что не выучилась, потому что надо было помогать родителям, братьям и сестрам, ведь мама умерла рано, в 50 лет.

Что бы ни было жито – прожито. Что было, то было. Помните, как в песне: «У природы нет плохой погоды, каждая погода – благодать, дождь и снег – любое время года надо с благодатью принимать...» Так и в жизни – в каждом периоде было и хорошее, и плохое. Жалеть ни о чем не надо, остается только вспоминать...

Записала
Валентина КАЛИНИНА.